

10. ЧЕРЕВИКИ И ПОРТЯНКИ

Типичный эпизод. Концерт по случаю очередного праздника. Хористы, как заведено, спели Левонику. С механическим мастерством. Зал послушал с равнодушной вежливостью. Нехорошо шуметь, когда фольклорную красавицу тщательно обувают и подковывают. Сидим, ждем чего-то новенького в репертуаре. Да ведущая объявляет: "Левониха!!! Танцевальный вариант!!!" От опостылевшей женщины остается только взвыть. Или удрать на другую планету, если бы были деньги на билет.

На следующий день я зашел к знакомому из инстанции, где составляются программы больших концертов, и спросил, почему не показали арию Левоники из оперы "Левон Левонику разлюбил"? Знакомый понял сарказм и согласился, что с сусальной героиней отечественной сцены перестарались и что надо показывать белорусам новых женщин, например, первую победительницу конкурса красоты Лику Ялинскую, у которой душа тоже ласковая, а ножка в современной обуви не менее изящная.

К разговору присоединились два культработника. Они были поклонниками неувыдаемой Левоники. Один даже дочку так назвал. Оба оказались идиотами без чувства юмора. Обоим понравилась моя идея Левоникиады. Тут же начали бредить концертом, составленным из песен, танцев, оперных и театральных эпизодов из жизни женщины в черевичках от Левона. Я сообщил, что спешу за письменный стол создавать документальную повесть под названием "Вечные каблучки".

В повесть о вечной обуви белорусов я обязательно вставляю сюжет с резиновыми сапогами, которые так надоели мне в детстве. Сюжет начнется весной в моей деревне, где снова разлилась огромная лужа, затопив улицу, огороды. В воскресенье на берегу лужи собрались пятеро мужчин-хозяев затопленных огородов, стали обсуждать, как спустить воду. Из четырех основных направлений света не смогли выбрать того, куда потечет вода. Спорили, курили, вновь спорили, рассказывали анекдоты, плюнули поочередно в лужу, забрали лопаты, пошли по домам. Среди них был и мой отец.

Вечером, как стемнело, отец сказал, чтобы я взял фонарик и шел к луже. Я осветил, экономя батарейку. Отец что-то быстро продолбил лопатой. Мы услышали, как в темноте светло зашелестела вода, уходя в ближайший лужок, освобождая нашу улицу от грязи, а мои ноги от тяжелых сапог.

Узнали белорусов? Собравшись группой, они готовы скорее сесть в лужу, нежели осушить ее. Ими нужно обязательно управлять и в труде и в пляске.

Если над ними имеется начальник и белорусов собирается больше трех, они способны на многое. Если им заплатить чуть больше, чем в колхозе, они могут осушить все болота, луга, огороды, колодцы и все это засыпать песком. Если их умело настраивать, могут коллективно любить не только одну женщину, но и мужчину. Если им что-то пообещать, придут на выборы и дружно поддержат обещающую. Если им сказать правду про их коллективную дурь, то правдолюбца возненавидят.

Почему белорус в толпе (массовый белорус) творит столько обиды сам себе, своей земле?

Впрочем не будем так сразу нападать на белоруса. Француз — не творит то же самое? Или немец, китаец, американец, когда они в толпе?

В стаде люди глупее, чем каждый поодиночке. Все нации в условиях коллективного психоза одинаково безликие. Но французы своей французской толпой создали Республику! Американцы своим коллективным американским умом пришли к Декларации о Независимости! Массовые немцы покаялись за грехи своих предков, породивших национал-социализм! А что аналогичного, исторически сравнимого, свершили в уходящем веке белорусы?

Белорусам не надо прибедняться. В 20 веке они совершили невозможное. Белорусы поднялись в 1941-м против тех немцев, за каких сейчас покаялись их дети и внуки. Березы и сосны действительно наши сестры. Партизанщина — не дурь, а пример белорусской собранности, приведшей к Победе.

Я — тоже продукт победы. В 1945-м мои будущие отец-мать, белорусские ост-арбайтеры, вернулись из неволи домой. Свою свадьбу они захотели сыграть в день Октябрьской революции, 7 ноября 1945-го. После известного срока, в 1946-м, у них родилось дитя любви, свободы, победы, великой революции и такой же по размерам лжи.

В 1965-м, к 20-летию Победы, я опубликовал в райгазете "Маяк коммунизма" очерк об односельчанине. Дядька Степан, сосед, подробно рассказал, а я старательно записал, как он сражался в партизанском отряде за Родину, за Партию.

Только через тридцать лет он заговорил со мной о той публикации. Дед Степан пришел ко мне на отцовскую усадьбу, где я сиротливо, как говорят, предавался воспоминаниям детства. Старик за 90. Рукопожатие твердое, ум ясный. Спросил, какая вера лучшая, баптистская или православная. Сам же ответил, что — баптистская, Бог в тебе, а не в церкви. Недавно старик принял крещение в баптисты, в его душе, видимо, шла напряженная перестройка. Неожиданно сказал: "Слушай, хлопец, почему я стал партизаном".

Тогда, в войну, он жил на хуторе. Однажды к нему забрел советский летчик. Немцы сбили его самолет, он пробирался на восток, за линию фронта. Хуторянин накормил красного сокола, собрал еды на дорогу, дал крестьянскую одежду. Тот на прощание посоветовал: "Ты, вижу, человек смелый и добрый. Но у тебя две коровы, конь и сечкарня. Когда вернется советская власть, а она обязательно вернется, победа будет за нами, тебя раскулачат, сошлют на Соловки. Чтобы не сослали, помогай партизанам. Возьми справку, что помогал. Покажешь Советам — и тебя не раскулачат".

Дед Степан сделал так, как посоветовал сокол. И в 1949 году, при коллективизации в западной Беларуси, на Соловки его не сослали. Хотя сечкарню, молотилку, корову, коня, упряжь забрали в колхоз.

Завершая свою большую жизнь, дед Степан решил сказать правду о своей войне с фашистами. Пятьдесят лет он повторял о войне то, что читал в газетах, слышал по радио. Врал. Потому что врал государство и подвластная ему толпа. Боялся правды, ибо правду государство карает, а толпа топчет.

В середине девяностых на дырявых колхозных фермах, на полурботающих заводах, в нищенствующих институтах и школах восстановлены "красные уголки". В Беларуси определен "единый день информирования населения". Политбойцы президентской вертикали достали старые байки КПСС о войне, желтые вырезки из газет. Докладывают народу об успехе президентской политики, внутренней и внешней, — ПОБЕДЕ В ВОЙНЕ. Обещают, что боевые традиции будут продолжать и множить. Заклинают белорусский народ, сплоченный великой победой, и впредь крепить дух в борьбе с коррупцией, преступностью, недисциплинированностью, НАТО, ЦРУ, Позняком, Шереметом, дедом Степаном. Заверяют, что под руководством президента эта борьба тоже завершится победой, ибо белорусский народ, победивший в войне, не может не победить на других фронтах. Народ слушает их, а не деда Степана. Ну, что за народ?

27 июня 1994 года.

Состоялся первый тур президентских выборов.

Победа 39-летнего директора совхоза Александра Лукашенко убедительна — 45,1 процента голосов. На второе место с большим отставанием вышел премьер-министр Вячеслав Кебич, набравший 17,4 процента.

Недели через две обоим предстоит второй тур "танца" вокруг президентского кресла. Хотя сегодня итог вполне предсказуем: в кресло сядет Лукашенко.

Однажды по телевизору он сказал о себе и о своей команде примерно так. О нас говорят, что у нас мало интеллекта. Зато мы из народа. Мы знаем народную жизнь. Мы сделаем ее хорошей. И пьяный мужичишка, сидя у старого телевизора, поддакнул: "Молодец, Сашок! Дай мне жизнь и телик!"

Журналист спросил у Лукашенко, какой его президентский указ будет первым. Претендент отрубил: "Кадровый! Все жулье и ворюг выметем из кабинетов власти."

И тут другой мужик, каждую субботу вышагивающий с рюкзаком на свою дачку мимо трехэтажных коттеджей местного чиновничества, завидующий ему, ненавидящий его, этот усталый современник радостно подался к телевизору, где в образе народного заступника увидел в доску своего парня, даже усы у них были одинаковые. "Вымета́й их, Сашка, мать их!.." — вскричал мужик и побежал на избирательный участок поддержать кореша.

Таков электорат Лукашенко — вчера первого парня на деревне, сегодня — первого борца с коррупцией.

Итоги первого тура президентских выборов в Белоруссии окрестили "сенсационными". Это удивительно. Будто не было в России такого же "сенсационного" успеха Жириновского. Александра Лукашенко не зря называют "белорусским Жириновским". У них единая социальная база. Источник их вознесения во власть — ненависть, обида, отчаяние, нетерпение, простенькие рецепты лучшей жизни.

Выборы в Беларуси показали точный объект народной ненависти — это те, кто сегодня у власти. Премьер Кебич и его коммунистическая команда потерпели сокрушительное поражение. После выборов они куда-то исчезли, угодливое телевидение осиротело, не зная, что показывать. В протрации замолчала карманная пресса, так вызывающе непрофессионально рекламировавшая Кебича.

Предвыборные лозунги Кебича и Лукашенко идентично коммунистичны. Разница лишь в том, что Лукашенко, в отличие от Кебича, не пользуется рыночной терминологией, не утруждает себя экономическими доказательствами. Он запустит заводы, даст зарплату, построит славянский союз...

Выдвижение Лукашенко означает для Беларуси остановку в движении к национальному возрождению, к демократии, к рынку. Об этом горько думать

тем, кто голосовал за демократов Зенона Позняка (12,9 процента) и Станислава Шушкевича (9,9 процента).

12 июля 1994 года.

Второй тур президентских выборов собственно выборами не являлся, выбирать было нечего. Уехали иностранные наблюдатели, поредел журналистский корпус.

Оба претендента — Вячеслав Кебич и Александр Лукашенко — представляли собой рупоров "социализма с человеческим лицом". Разница между ними состояла в том, что первый был старый мужчина, вкусивший блага власти, а второй — молодой мужчина, еще не вкусивший.

За жирный кусок мужики и боролись каждый как умел. Кебич обещал восстановление экономических связей, разрушенных в Беловежской Пуще, а Лукашенко — отрубить руки чиновникам, берущим взятки, жрущим икру (лексика кандидата).

Оба мужика (и старый, и молодой) понимали, что в финишной драке надобно показать благопристойность. Посему оба согласились на теледебаты в прямом эфире. И тот и другой не смогли преодолеть собственную ординарность. Один наскакивал, как петух, второй ускользал, как выюн. О деле почти не говорили. Экран еще раз продемонстрировал их родство. Зрелище удручало местечковой незатейливостью.

В создавшихся условиях — выборы без выборов — партии и движения страны сошлись в тактике: второй тур президентских выборов — "завалить". Показательны действия двух противоположностей — Белорусского народного фронта и партии "обновившихся" (после 1991 года) коммунистов. Первый призвал своих не являться на избирательные участки, вторая — голосовать против обоих депутатов и в целом против президентства как формы возможной диктатуры.

Результат планировался общий: выборы 10 июля не состоятся, через три месяца будут назначены новые, в государстве возникнет иная раскладка политических сил. К тому времени у народа, сделавшего эмоциональный выбор в пользу "спасителя" Лукашенко, "откроется вторая извилина".

Про "извилину" — цитата. Так выразился философствующий предприниматель А.Потупа. О необходимости "поумнения народа" высказался БНФ.

Народ за 17 дней, прошедших после первого тура, не "поумнел", своего решения от 23 июня 1994 года не изменил. Александр Лукашенко — первый президент Белоруссии.

Положено знакомить с биографией высокого лица. Лукашенко Александр Григорьевич, 1954 года рождения, белорус. Закончил Могилевский пединститут и Белорусскую сельхозакадемию. Работал секретарем комитета комсомола школы, инструктором политотдела в погранвойсках (два года), секретарем комитета комсомола горпищеторга (один год), инструктором райисполкома (полгода), ответственным секретарем районной организации общества "Знание" (два года), заместителем командира роты по политчасти (на два года повторно пошел в армию добровольцем!), заместителем председателя колхоза (один год), заместителем директора комбината стройматериалов (два года), секретарем парткома колхоза (два года). С 1987 года — директор совхоза (дышащего на ладан).

Такая биография не может ответить на вопрос: кто же на самом деле — А. Лукашенко?

Кто же на самом деле — Александр Григорьевич Лукашенко, первый президент Беларуси? Ответа не знаю. Знаю лишь, убеждался не однажды, что контакт Лукашенко с остальным человечеством не деловой, а эмоциональный. В результате оценки Лукашенко исключительно эмоциональные, одни его безмерно любят, другие безмерно ненавидят. Ни те ни другие часто не могут объяснить причину своих чувств.

Типичный эпизод. Пресс-конференция. Большой зал перенасыщен острыми вопросами. Уверенный в себе, раскованный президент. К микрофону подходит девушка. Красивая, робеющая. Правда ли, Александр Григорьевич, что государственным чиновникам запрещено давать информацию независимым журналистам? А.Г. по-мужски, играя на публику, рассматривает девушку и отвечает: "Зачем вам эти чиновники, девушка! Приходите прямо ко мне, с ВАМИ мы поговорим на любые экономические темы".

Шутка до того удачная, что зал смеется и даже, очагами, аплодирует. Журналисты, минуту назад возмущенные беспрецедентным ограничением свободы информации, ждущие серьезного ответа на животрепещущий вопрос своей деятельности, восхищены находчивостью президента и забывают о сути проблемы. Ведь действительно разослано распоряжение, запрещающее чиновникам вступать в разговоры с корреспондентами негосударственных СМИ и давать туда рекламу. Чтобы лишить независимую прессу информации,

снизить ее тиражи, удушить экономически. Президент это подтверждает. Но журналисты хохочут. Президент устанавливает эмоциональный контакт — и получает высшую эмоциональную оценку.

Кто же он, избранник впечатлительного народа? По какой методике его оценить, если он так неуловим? Неужель четырех лет недостаточно для точной характеристики?

Оценку начальнику можно наглядно увидеть в поведении его подчиненных. Какие мы — таков и президент. Понаблюдайте, в какую сторону мы изменились за четырехлетний президент-период.

В деревне под Минском живет близкий мне человек, ему чуть за семьдесят. В таком возрасте сейчас самые молодые фронтовики. Воевал он с 1944 года, с освобождения Белоруссии, а до того жил на оккупированной территории. Подвыпив, дядька Павел (имя изменю, чтобы не обидеть) рассказывал о войне. Например, как в оккупации помогал то немцам, то партизанам. Ночью в деревню приходили партизаны, под дулом приказывали молодым ребятам брать пилы и валить немецкие телефонные столбы. Днем приходили немцы, под дулом приказывали тем же ребятам брать топоры и ставить новые столбы. Дядька Павел шутил, что не знает, почему от одних он получил медаль, от других — нет.

На такую шутку способен по-настоящему свободный человек. Свободный от страха перед государством и от слепой ненависти к давнему врагу. Человек, который видит в белорусских березах и соснах не только партизанских сестер, но и просто лес, который нужно беречь от экологически неграмотной государственной экономики.

Чем чаще белорусы будут шутить о своей героичности в годы минувшей войны, тем быстрее освободятся от гнета тоталитарной пропаганды, которая сбивает их в агрессивную толпу. Чтобы господствовать над толпой, режим связывает его простой, понятной дебилой установкой: мы — победители в войне. Белорусами, которых ничего не объединяет, можно управлять только одним трюком — вновь и вновь возвращать в "суровое героическое прошлое", сдобренное Левонихой и прочим фольклором. Поддерживать в белорусском лесу захламленность и партизанский дух. Не отпускать войну в историю.

Дядька Павел не кичился фронтовым прошлым, на войну смотрел как на дела давно минувших дней. Нельзя же народу вечно жить войной, так можно рехнуть. Если бы люди постоянно помнили, с кем и за что воевали, они бы перестали работать, рожать детей, строить дома, а только носили бы на демонстрации портреты Лукашенко и Сталина, о котором дядька Павел

говорил неизменно: "Гад! Сколько он хлопчиков зря положил!" Тут дядька Павел плакал.

Такие, как он, думал я, служат для белорусов психологически оздоравливающим фактором. Увы, процесс пошел в противоположную сторону. Заезжаю к дядьке Павлу. Смотрит телевизор. В десятый раз показывают, как на министра надевают наручники. Говорят о беспощадной борьбе и о близкой победе. Дядька подался к телевизору, поза напряжена, слова жестоки: "Расстреливать таких надо! Молодец президент, но мягкотелый. Нам надо Сталина сюда. Он наведет порядок. Не так намотал портянки, натер ноги, нарушил обороноспособность родины — расстрел!"

Рядом с дядькой Павлом сидел его сорокалетний сын. Он с готовностью поддакнул: "Так эти же, что против президента, хотят отменить смертную казнь. Им лишь бы гавкать на Лукашенко. Он еще ни одного не помиловал. Правильно! Пару штук таких министров расстрелять — и порядок!"

Война в Белпруси не кончилась. Она не прекратится, даже когда уйдут 156.000 здравствующих ныне ветеранов. От них война уже не зависит. Боевые традиции понесут в будущее наследники. Белорусский ген жестокости культивируется сусально озабоченным государством. За четыре года мы стали еще беднее жить, но еще чаще веселиться. Чем больше диктатуры, тем больше фольклора, фестивалей, соревнований, карнавалов.

1998